

Н.Н. Наседкин

Радомский

РАДОМСКИЙ Евгений Павлович — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот», флигель-адъютант, дальний родственник князя Щ., который и ввел его в дом Епанчиных. «Это был некто Евгений Павлович Р., человек еще молодой, лет двадцати восьми, флигель-адъютант, писанный красавец собой, “знатного рода”, человек остроумный, блестящий, “новый”, “чрезмерного образования” — и какого-то уж слишком неслыханного богатства. Насчет этого последнего пункта генерал был всегда осторожен. Он сделал справки: “действительно что-то такое оказывается — хотя, впрочем, надо еще проверить”. Этот молодой и с “будущностью” флигель-адъютант был сильно возвышен отзывом старухи Белоконской из Москвы. Одна только слава за ним была несколько щекотливая: несколько связей, и, как уверяли, “побед” над какими-то несчастными сердцами. Увидев Аглаю, он стал необыкновенно усидчив в доме Епанчиных...»

Радомский (который поначалу зашифрован одной буквой) вскоре выйдет в отставку, затем покончит с собой его дядя, Капитон Алексеевич Радомский («Старичок, почтенный, семидесяти лет, эпикуреец...»), растративший казенную сумму, возникнут осложнения с получением наследства... Но самая главная «неприятность», которая случится с Евгением Павловичем — неудачное сватовство к Аглае Епанчиной. В финале романа Радомский, «выехавший за границу, намеревающийся очень долго прожить в Европе и откровенно называющий себя “совершенно лишним человеком в России...” — довольно часто, по крайней мере в несколько месяцев раз, посещает своего больного друга у Шнейдера», то есть князя Мышкина. Но самое любопытное, что он пишет письма в Россию двум людям — Коле Иволгину и... Вере Лебедевой. «Кроме самого почтительного изъявления преданности, в письмах этих начинают иногда появляться (и все чаще и чаще) некоторые откровенные изложения взглядов, понятий, чувств, — одним словом, начинает проявляться нечто похожее на чувства дружеские и близкие...» повествователь признается: «Мы никак не могли узнать в точности, каким образом могли завязаться подобные отношения; завязались они, конечно, по поводу все той же истории с князем, когда Вера Лебедева была поражена горестью до того, что даже заболела; но при каких подробностях произошло знакомство и дружество, нам неизвестно...» Однако ж, можно догадаться, «знакомство и дружество» этих двух людей завязалось надолго.

Возможно, в образе Радомского отразились отдельные черты А.И. Косича, участника Крымской и русско-турецкой войн, впоследствии генерала от инфантерии. Достоевский встретился с ним в апреле 1865 в Петербурге на вечере у Корвин-Круковских. С. Корвин-Круковская (Ковалевская) вспоминала, как писатель ревновал Косича к ее сестре Анне и возненавидел его:

«Стоило Достоевскому взглянуть на эту красивую, рослую, самодовольную фигуру, чтобы тотчас возненавидеть ее до остервенения.

Молодой кирасир, живописно расположившись в кресле, выказывал во всей их красе модно сшитые панталоны, плотно обтягивающие его длинные стройные ноги. Потряхивая эполетами и слегка наклоняясь над моей сестрой, он рассказывал ей что-то забавное. Анюта, еще сконфуженная недавним эпизодом с Достоевским, слушала его со своею несколько стереотипною, салонною улыбкой, “улыбкой кроткого ангела”, как язвительно называла ее англичанка-гувернантка.

Взглянул Федор Михайлович на эту группу, и в голове его сложился целый роман: Анюта ненавидит и презирает этого “немчика”, этого “самодовольного нахала”, а родители хотят выдать ее замуж за него и всячески сводят их. Весь вечер, разумеется, только за этим и устроен!

Выдумав этот роман, Достоевский тотчас в него уверовал и вознегодовал ужасно...»

Возможно, именно эта сцена отразилась в описании сцены вечера у Епанчиных в 4-й части романа «Идиот».